Белозорович Виктор Александрович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В ОБОБЩАЮЩИХ НАУЧНЫХ ТРУДАХ 1920-х гг.

На начальном этапе развития исторической науки БССР был предпринят ряд попыток написать обобщающие (синтетические) работы по истории Беларуси. Среди их авторов следует назвать академика В.М. Игнатовского, академика В. И. Пичету, доцента В. Д. Дружчица, профессора М. В. Довнар-Запольского.

Самой популярной книгой по истории Беларуси в 1920-е гг., которая одновременно являлась учебником для учащихся старших классов школ, студентов техникумов и вузов республики, был «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» В. М. Игнатовского [1]. Книга впервые была издана в 1919 г., имела три переиздания в 1920-е гг. В 1924 г. доцент БГУ В.Д. Дружчиц опубликовал статью «Галоўныя моманты гісторыі беларускага народу» [2]. Более сдержанный подход к белорусской истории, с менее выраженной национальной основой, высказал представитель московской исторической школы, ученик В. О. Ключевского, В. И. Пичета. 11 июля 1918 г. в здании Московского педагогического института имени П. Г. Шелапутина был торжественно открыт Белорусский Народный университет. Цикл лекций для студентов по истории белорусского народа прочитал В. И. Пичета. Позднее, в 1920 г., они были опубликованы [3]. В 1924 г. вышла монография В.И. Пичеты «Гісторыя Беларусі», освещающая период с древнейших времен до Люблинской унии [4]. Самой объемной среди созданных в 1920-е гг. синтетических работ по истории Беларуси считается «История Белоруссии» М. В. Довнар-Запольского [5]. Книга не была напечатана при жизни автора по политическим причинам. Автор работал над рукописью, которая задумывалась им как учебное пособие для студентов техникумов и вузов, с 1918 по 1926 гг. Рукопись книги Довнар-Запольского была признана отделом печати при ЦК КП(б)Б национал-демократической, а сам автор вынужден был покинуть БССР и выехать в Москву.

Благодаря В. М. Игнатовскому в 1920-е гг. закрепляется периодизация белорусской истории, основанная на государственном критерии. Исследователь выделил пять значимых периодов: полоцкий (IX – XII вв.), литовско-белорусский (XIII – первая половина XVI в.), польский (вторая половина XVI – конец XVIII в.), российский (конец XVIII – начало XX в.), Беларусь после свержения царизма. Они соотносятся с Полоцким княжеством, Великим Княжеством Литовским, Речью Посполитой, Российской империей, БССР. Другие авторы разделяли позицию В.М. Игнатовского, но В. Д. Дружчиц и В. И. Пичета не рассматривали Полоцкое княжество и Турово-Пинскую землю в IX – XII вв. в качестве отдельного периода белорусской истории. Например, академик В. И. Пичета использовал категории «белорусские племена» [3, с. 17] и «белорусские земли». Однако ему принадлежит заслуга в том, что он впервые включил в историю Беларуси археологическое прошлое, т.е. первобытное общество (палеолит, неолит, «металлическая эпоха», первые жители). М. В. Довнар-

Запольский расширил существующую периодизацию за счет выделения внутренних этапов в периодах Речи Посполитой и Российской империи, в частности, в рукописи «Истории Белоруссии» прослеживаются «период разделов» (конец XVIII – первая треть XIX в.), «эпоха русского господства» (вторая треть XIX – конец XIX в.), «эпоха национального возрождения» (рубеж XIX – XX в.), «борьба за государственность» (1915–1919 гг.).

Начало белорусской истории авторы единодушно связывали с приходом славянских племен на белорусские земли. Исследователи определяли миграции как средство этногенеза, причем В. И. Пичета акцентировал внимание на таком глобальном движении племен в Европе в первые века нашей эры, как «Великое переселение народов». По его мнению, славяне из своей прародины (в т.ч. земель, лежащих к югу от Припяти, и бассейна Среднего Днепра) под давлением готов заняли территорию Беларуси, а в первой половине XIV в. сложился самостоятельный белорусский язык [3, с. 10–17].

Историки единодушно поддержали концепцию М. В. Довнар-Запольского о происхождении белорусской народности от кривичей, дреговичей и радимичей [5, с. 21–25]. Но его теория «чистоты белорусского типа» [5, с. 25–26] не была принята большинством исследователей.

Отметим, что В. Д. Дружчиц был близок к формулировке идеи субстратного происхождения народов. По его мнению, славянские племена, осевшие на территории, заселенной финно-угорскими племенами, сформировали великорусский этнос. Славяне, занявшие земли балтийских племен, образовали белорусский этнос [2, с. 5].

Концепция белорусской истории 1920-х гг. сформировалась под влиянием, прежде всего, московской исторической школы с ее главным постулатом – категорией «колонизации». Поэтому в синтетических работах этого периода прослеживается теория колонизации славянскими племенами белорусских земель, проявившаяся в переносе института государственности из Полоцка в Новгород. М. В. Довнар-Запольский даже употребил выражение «Новгород – колония кривичей» [5, с. 29]. Но В.И. Пичета образование Полоцкой земли объяснял норманским влиянием на восточных славян [3, с. 18].

В. М. Игнатовский поддержал идею независимого белорусского Полоцкого княжества, предложенную В. Ю. Ластовским в «Кароткай гісторыі Беларусі» (1910 г.). Исследователь считал, что Полоцк на равных вел борьбу с Киевом за «влияние на Новгород и первенство в восточнославянском мире» [1, с. 41], дал положительную оценку деятельности Всеслава Бречиславича, отметил просветительскую роль первых христианских проповедников (Предславы, Кирилла Туровского, Климента Смолятича). К тому же Полоцкая земля XII в. фигурирует в тексте книги как республика [1, с.48].

Другие историки демонстрировали сдержанность в оценке характера Полоцкого княжества, ограничивались тезисом о возвышении (усилении) этого государства. Но все они включили в ареал белорусской народности Смоленское княжество. В «Гісторыі Беларусі» В. И. Пичета утверждал, что Смоленск являлся «главным очагом белорусского просвещения» [4, с. 98], что его жители разговаривали на «смоленско-полоцком диалекте» [4, с. 99]. Возможно, интерес к смоленской истории был обусловлен политическим

фактором – предстоящими укрупнениями территории БССР. В. И. Пичета как ректор БГУ и член СНК БССР не мог этого не знать. Поэтому сохранялась слабая надежда на передачу Смоленской губернии от РСФСР Белорусской ССР.

Все исследователи большое внимание уделяли периоду Великого Княжества Литовского. Со второй половины XIX в. это государство в литературе называли «Литовско-Русским государством». Поэтому в обобщающих работах ранней белорусской историографии прослеживается следование этой традиции. Однако В. М. Игнатовский считал, что Полоцкое княжество передало ВКЛ свои порядки, государственные учреждения, язык и культуру. Поэтому термин «русский» равнозначен слову «белорусский», и само Княжество имело белорусский характер [1, с. 62]. В 1924 г. конкретно о «Литовско-Белорусском государстве» писал В. Д. Дружчиц. Историк придерживался мнения, что древние литовцы – это славяне, сформированные из племен «волотов» или лютичей. Поэтому в Литовско-Белорусском государстве преобладал славянский элемент, а сама держава имела федеративный характер [2, с. 7].

На этой позиции стоял В. И. Пичета. Как его учитель, М. К. Любавский, он позиционировал ВКЛ как государство с федеративным устройством, частичной автономией белорусских земель [4, с. 113–114]. Новым в историографии 1920-х гг. стала постановка В. И. Пичетой проблемы «белорусского Возрождения» в XVI в. Согласно тексту VII-й главы его лекционного курса «История белорусского народа» кодификация правовых норм (подготовка и издание Статутов) была результатом духовного подъема Западной Руси. Возрождение имело «индивидуалистический характер», т.е. шляхта стремилась защитить свои индивидуальные права. Проявлением новой культуры стало распространение протестантизма в форме лютеранства, кальвинизма, социанства. Новые вероучения принесли с собой на белорусские земли школьное дело, книгопечатание, заграничные поездки шляхты. Автор пытался провести параллель с итальянским Возрождением и видел различия «в темпе и характере самого культурного движения» [3, с. 51–53]. Позднее, в 1924 г., он подробно проанализировал предпосылки духовного подъема XVI в., первым выделил в гуманизме ВКЛ два направления: городское и шляхетское [4, с. 169–172].

Положительную оценку политике князей Миндовга и Витовта дал М.В. Довнар-Запольский, поскольку она была направлена на укрепление самостоятельности государства. Но использовал он в рукописи «Истории Белоруссии» понятие «Литовско-Русское государство» [5, с. 54]. Соглашался профессор и с федеративным характером ВКЛ, анализируя «конституции земель-аннексов» и специфику «управления русскими волостями».

Эпоха Речи Посполитой в отечественной истории рассматривалась исследователями под влиянием положений западнорусской исторической школы. В обощающих работах прослеживается единодушие в оценке предпосылок, причин и значения Люблинской унии 1569 г. Но определение характера этого государства вызвало разные подходы. В. М. Игнатовский придерживался позиции унитарной Речи Посполитой. По его мнению, в результате Люблинской унии Литва и Беларусь были инкорпорированы Польшей и утратили свою политическую и культурную самостоятельность. Польский язык, культура, социальная и политическая структура,

католическая церковь заняли господствующее положение на белорусско-литовских землях. В. М. Игнатовский считал Речь Посполитую единым и неделимым государством [1, с. 134]. Эта позиция не была принята В.И. Пичетой, который был солидарен с профессором Дерптского университета И.И. Лаппо, доказывавшим федеративный характер «шляхетской республики».

Историографическая традиция 1920-х гг. основное внимание в истории Речи Посполитой уделяла конфессиональной проблеме. В своей лекции В.И. Пичета рассматривал церковную унию 1596 г. в контексте развития православной церкви, как результат позиции православных иерархов, желавших изменить свой политический статус и избавиться зависимости от братств [3, с. 57]. После Люблинской унии католическая церковь «стала проявлять агрессивность по отношению к православию» [3, с. 59]. Орудием католической экспансии стали иезуиты. А императрица Екатерина II «под видом защиты интересов православия вмешивалась в польские дела» [3, с. 61]. Несколько глубже проблему осветил В. Д. Дружчиц, определивший факторы упадка государства. Дезинтеграция общества по конфессиональному признаку на католиков, православных и греко-католиков, «диктатура шляхты», клерикализация культуры, упадок городов, бесправие крестьян привели к политической анархии и ослаблению Речи Посполитой [2, с. 17].

Из новых исторических сюжетов можно назвать две проблемы: роль казаков в развертывании широкого антифеодального движения в Беларуси в XVII в. (В. М. Игнатовский) [1, с. 146–153], формирование политической системы «золотой свободы» (М. В. Довнар-Запольский) [5, с. 180].

Разделы Речи Посполитой авторы рассматривали в духе российской историографии второй половины XIX – начала XX вв. Они считали, что «падение Польши» стало результатом внутреннего разложения государства: социальных антагонизмов, политической анархии, национальных и религиозных споров. Произошла инкорпорация Беларуси Россией.

По-разному подошли исследователи к истории Российской империи. В.М. Игнатовский кратко и отрицательно раскрыл четвертый период отечественной истории. По его мнению, экономическое и политическое развитие Российской империи («большой «тюрьмы народов») [1, с. 166], ее имперские амбиции привели к русификации белорусских земель. Особенно активно этот процесс развернулся после поражения восстания 1830–1831 гг. Поэтому общественно-политическое движение, направленное на возрождение белорусского языка, народной культуры, национального самосознания и белорусской государственности, получило широкую социальную поддержку и было политически обоснованным. С В.М. Игнатовским был солидарен В. Д. Дружчиц. По его мнению, белорусский народ получил от Империи усиление налогового бремени, жесткое крепостное право, национальное бесправие, сопряженное с русификацией, и т.п. [2, с. 18–20]. Особое внимание исследователь обратил на восстание 1863–1864 гг., которое считал шляхетским. Крестьяне заняли в нем пассивную позицию и не верили призывам «красных» [2, с. 21].

В. И. Пичета в «Истории белорусского народа» подробно рассмотрел основные события и явления XIX столетия. Он проанализировал политику Екатерины II и Павла I на белорусских землях, позицию белорусской

шляхты, враждебную России, влияние войны 1812 г. на экономическое состояние края. Историк считал актуальным показать русификаторскую, религиозную и даже антисемитскую политику Николая I [3, с. 71–78].

Но глубже всех этот период раскрыл М. В. Довнар-Запольский. В рукописи «Истории Белоруссии» автор рассмотрел политику российского правительства до и после восстания 1830–1831 гг., состояние конфессий, политику полонизации и русификации. Отдельные разделы посвящены культуре белорусского народа. М. В. Довнар-Запольский признавал ведущую роль литературы в формировании национального самосознания, впервые подготовил развернутую картину научного изучения Беларуси. Автор в рукописи сформировал концепт «эпоха национального возрождения» [5, с. 387], выделив ее предпосылки и развитие в общем потоке литературного процесса. Белорусскую литературу классического периода он назвал «изящной литературой» [5, с. 473].

В отличие от В. М. Игнатовского историк не признавал ведущую роль Октябрьской революции 1917 г. в процессе государственного самоопределения белорусов. Отправным пунктом он считал Всебелорусский съезд 1917 г., решения которого предопределили образование Белорусской Народной Республики. Советизация Белоруссии была связана с деятельностью Минского комитета РСДРП(б), Белорусского национального комиссариата, Белорусской Коммунистической фракции (Червяков, Сосна, Устилович, Гуринович, Лаврецкий, Помецко, Лагун и др.) [5, с. 543–568].

Во всех обобщающих работах по истории Беларуси в 1920-е гг. главным предметом исследования выступали социально-экономические отношения. В. И. Пичета кратко раскрыл реформу казенной деревни, введение инвентарей в помещичьей деревне, подробно осветил крестьянскую реформу 1861 г. и ее последствия, состояние народного хозяйства во второй половине XIX – начале XX вв. Отметим, что автор первым приступил к изучению земских учреждений в белорусских губерниях [3, с. 86–87]. Более обстоятельно к этому вопросу подошел М.В. Довнар-Запольский. Исследователь проанализировал социальный строй Литовско-Русского государства, экономическую структуру XVI–XVIII вв., роль крестьянства в народном хозяйстве XIX в., процесс индустриализации рубежа веков.

Таким образом, на начальном этапе белорусской советской государственности были созданы первые синтетические работы по белорусской истории. В них авторы, с одной стороны, попытались продемонстрировать свою приверженность к марксистской методологии, с другой стороны, оставались под влиянием положений либеральной и западнорусской историографии второй половины XIX – начала XX вв.

Библиографические ссылки

1. Ігнатоўскі, У. М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі. – 5-е выд. – Мінск : Беларусь, 1991. – 190 с.
2. Друшчыц, В. Галоўныя моманты гісторыі беларускага народу / В. Друшчыц // Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху: калектыўная праца пад агульнай рэдакцыяй А. Сташэўскага, З. Жылуновіча і У. Ігнатоўскага з дапамогай А. Смоліча, С. Некрашэвіча і Я. Пятровіча. – Менск : выданне ЦВК БССР, 1924. – С. 5–21.
3. Пичета, В. И. История белорусского народа / В. И. Пичета. – Минск: Изд. центр БГУ, 2003. – 184 с.

4. Пічэта, У. І. Гісторыя Беларусі / У. І. Пічэта. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2005. – 179 с.
5. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Минск : Беларусь, 2003. – 680 с.

Болсун Галина Александровна

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

ДИСКРЕДИТАЦИЯ НЕМЕЦКОЙ ПРОПАГАНДОЙ ОСНОВНЫХ АТРИБУТОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ (1941–1944 гг.)

Дискредитация – это умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа, доверия. Перед немецкой пропагандой на оккупированной территории СССР в целом и на территории Беларуси, в частности, стояла задача дискредитации советской власти и большевистской идеологии. Давайте рассмотрим, как реализовывалась эта задача на практике.

Пропагандистскую нагрузку и соответствующую политическую окраску несли массовые праздники. Объявляя себя «спасителями от большевизма», немцы стремились ликвидировать атрибуты советского строя. Было отменено празднование Дня Великой Октябрьской социалистической революции, как главного большевистского праздника. Напротив, предписывалось разъяснять населению вред этого «красного дня календаря», арестовывать подозрительных лиц, проводивших большевистскую агитацию. Вместо этого в календаре появился новый праздник – 22 июня «День освобождения», с большим размахом отмечавшийся на оккупированной территории Беларуси.

Далее в списке задач немецких пропагандистов значилась дискредитация советского строя и военно-политических лидеров СССР. Стоит отметить, что явным козырем в руках нацистских пропагандистов, разоблачавших большевизм, были негативные последствия предвоенных лет, имевшие место в нашей стране, – принудительная коллективизация крестьян и бешеные темпы индустриализации, политические репрессии и шпиономания. Все они давали обширный материал для критики сталинского руководства и советской действительности.

С целью дискредитации политического руководства страны публиковалось множество материалов о жизни и деятельности В.И. Ленина, И.В. Сталина, членов Политбюро, известных военачальников. О содержании подобных публикаций свидетельствуют даже заголовки: «Провокаторски-уголовная деятельность Сталина», «Мы шлем проклятия кровавому злодею» и т.п. Вражеская пропаганда не стеснялась в выражениях, называя советского лидера «новым Чингисханом», «красным Нероном», «коммунистическим шаманом», «упрямым кавказским бараном» и т.д. При подготовке материалов подобного рода широко использовались карикатуры, фельетоны, частушки. В журнале "Беларус на варце» в рубрике «Из народного творчества» был опубликован следующий материал: «Наибольшим врагом не только белорусского народа, но и всего человечества является Сталин со своей доктриной коммунизма. 25 лет он